

Жизнь становится анахронизмом!

ВСТУПЛЕНИЕ

Де-факто о проявлениях свободной воли можно, пожалуй, говорить лишь в некоем условном смысле¹, подразумевая во всех подобных эпизодах именно сознательную волю. Хотя на самом деле это таки и вправду весьма редкий феномен, непосредственно относящийся к сфере воздействия центрального «я» (ведь подавляющее большинство как перцептивных, так и двигательных актов реализуется в мозгу на более широком таламическом уровне). Вместе с тем, исходя из описанных в зарубежной научной периодике случаев, истинно свободная воля, ассоциированная с поведенческим алогизмом, может быть присуща многим шаманам и чудотворцам. У всех же остальных она ограничена лишь произвольными картинками при фантазировании с закрытыми глазами, а также всякого рода спонтанными энергоимпульсами, обусловленными ранее накопленным опытом, да и самой окружающей обстановкой.

Однако для начала следовало б, наверное, всё ж таки подчеркнуть, что рассматривая скрытые интимные аспекты беспрестанно бурлящего различными велемудрыми идеями “*cerebrum humanum*”, мы должны стараться по возможности придерживаться тут диалектико-материалистических позиций. Ибо лишь чётко, пожалуй, отталкиваясь от такого априорного, но великолепно зарекомендовавшего себя мировоззренческого фундамента, нам вполне удастся на практике совместить столь, казалось бы, полиморфные грани активной мозговой деятельности, как нервно-волоконная передача кодированной информации по афферентным каналам связи, очевидная трансцендентальность воли и мгновенные полеты образов на уровне межгеномной экстрасенсорики, - в некую понятийно непротиворечивую единую систему.

1. В основе всего – «Я».

В большинстве своем характер и степень выраженности тех или иных волевых усилий зависят от наличия соответствующей одобрительной резолюции на то со стороны рассудка, который (если для целостного организма это необходимо) может на какие-то доли секунды как бы вообще отключиться. Причем контроль над протяженностью такой паузы в принципе остается за ним же самим. Поэтому с субъективной точки зрения каждому волевому акту предшествует обычно некий отчетливо ощущаемый мотивационный скачок, связанный с определёнными колебаниями и нерешительностью. А ещё весьма типичным для этой фазы является подспудное, хотя зачастую и проговариваемое вслух эмоционально-стимулирующее междометие: «Эх, была - не была!». Впрочем, по своему смыслу оно как раз вовсе не исключительно в этом роде: у йогов, а также в различных психотренингах

используется, естественно, и множество иных «подстёгивающих» рычагов для перехода к осознанной волевой деятельности.

Сама по себе воля – это мощный дискретно-энергетический импульс, посылаемый либо монадой, либо даже некой более крупной структурной единицей - например, эксклюзивным человеческим или вожацким (у стадных особей) «я». Причём её действительное предназначение, в общем-то, трансцендентно для нашего, ну или, соответственно, перимонадного разума. Но вместе с тем утверждать подобно Шопенгауэру, что воля абсолютно слепа, т.е. начисто по сути индетерминирована, - было б, однако же, не вполне научно (не говоря уж о явно тенденциозной подоплеке столь одностороннего подхода).

В случае ординарной хроно-астральной зависимости характер и направленность импульса будет преимущественно зависеть от различных внутримонадных обстоятельств. При анаксагоровской же трактовке бытия решающая роль в деятельности волевой сферы остается за энерготеневыми небесными объектами. Однако и там и там наличествует какой-то компонент (хотя, впрочем, не исключено, что и процесс) мгновенной информационной взаимосвязи.

Способна ли свободная воля пронизывать психику человека независимо или даже вопреки мышлению? В научно-популярной и художественной литературе иногда встречаются эпизоды, как будто бы положительно отвечающие на данный вопрос. И тем не менее за всю свою жизнь автор почему-то ни разу не заметил за собой сколь-нибудь похожего импульсивного акта. Хотя речь тут, понятно, отнюдь не идет о случайном накусывании языка во время еды, нелепости отдельных поступков у всецело поглощенных какой-то навязчивой мыслью исследователей, абсансopodobном статусе у эпилептиков или же о весьма, с виду, характерной в качестве подходящего примера копролалии при синдроме Жилия де ла Туретта (ибо здесь как раз можно, по сути, говорить лишь о некой сиюсекундной утрате сознания). Между тем как наверняка уже подтверждённое автономное функционирование воли наряду с сохранным мышлением (но только, конечно же, у обычных пациентов со сравнительно высоким IQ, а не у потомственных чудотворцев), явилось бы, в принципе, достаточно серьезным доводом в пользу концепции всеобъемлющей («подкаблучной») астральной зависимости.

Но вообще-то методологически гораздо удобней выделять в человеке не один, а как минимум шесть рабочих уровней «я». "Я" первичное /центральное/ - основная клетка данного полушария, главенствующее место которой, по мнению идейных преформистов, да и кое-кого из современных неокантианцев, определено еще в зародыше. В свою очередь, йоги локализуют центральное "я" в эпифизе - вероятно, на том основании, что у низших позвоночных он выполняет функцию третьего глаза и даже якобы способен к активному энергообмену. Однако, на наш взгляд, эпифизу

принадлежит другая немаловажная роль - роль мозгового хронометра; так что никаких добавочных нагрузок, связанных с волевой деятельностью или ясновидением, он не несёт. "Я" вторичное /*таламическое*/ - локализовано в зрительном бугре. "Я" третичное /*примитивное*/ надстраивается лимбической системой. Следующий уровень - палеокортикальное "я", - включая я себя первые три подуровня, ограничивается древними слоями коры. Пятый уровень - корковое "я" - характерен для рутинной ежедневной деятельности огромного большинства людей, Наконец, шестой, высший уровень - "я" зрелое. При этом каждое последующее "я" объемлет в себе, безусловно, и все предыдущие.

По выполняемым в ЦНС задачам они различаются таким примерно образом: "я" таламическое ответственно де-факто за перцепцию и запечатлевание; "я" лимбическое - за эмоции, оперативную память и любые инстинктоподобные проявления; "я" палеокортикальное - за элементарную, можно сказать, "животную" логику; "я" корковое - за обыденное мышление и долгосрочную память; высшее "я" - за формирование целостного мировосприятия и адекватную самооценку своего места в обществе. То есть, учитывая это, в дальнейшем их лучше уж было б тут, пожалуй, дифференцировать с интроспективных позиций, а именно: 1/ "я" волевое; 2/ "я" сенсорное; 3/ "я" эмоциональное; 4/ "я" сомногенное; 5/ "я" мыслительное; 6/ "я" личностное.

В состоянии бодрствования топография сознания определяется наиболее актуальными для индивида корково-таламическими связями, причем площадь охваченных сознанием участков находится в отношении обратной пропорциональности к показателю удаленности этих зон от первичного "я". Иначе говоря, сознание это не то, что мыслится при помощи слов или образов, а то, что ощущается и переживается внутренней созерцательной сущностью доминантно-полушарного "я". И, следовательно, ничего неосознаваемого здесь, на данной анатомо-физиологической ступеньке, по идее, вообще быть не может. Сказанное в первую очередь касается сенсорных и отчасти умственных процессов, так как всё, что лежит ниже - в стволовой или в спинальной области мозга, - разумеется, «изнутри не ощутимо». Да и на корковом уровне далеко не всеми реально осознаётся вегетативная нервная регуляция, а также стереотипные двигательные акты, связанные с использованием ранее выработанных навыков. Но - еще раз повторяю - всё это не чувства и не эмоции.

Таким образом, топография сознания не зависит тут от какого-то одного органа или клетки: она per se детерминирована деятельностью всех основных структур мозга. Ни ретикулум, ни лимб, ни шишковидная или питуитарная железа, ни даже высшие отделы коры, как правило, не могут самостоятельно без объективных причин изменить ареал сознания. И это вовсе не формализм и уж тем

более не бюрократия, а один из качественных критериев саморегулирующейся системы, где понятие сознания задается аксиоматически, т.е. конкретной говоря - как то, что активизировано именно сейчас, в данную минуту. Однако у некоторых индивидов (преимущественно мужского пола) решающую роль в определении сферы сознания играет центральное "я". Такие люди называются обычно волевыми, а остальные - безвольными. Хотя на самом деле никакой глубокой границы между ними, конечно же, нету. Просто у волевых центральное "я" функционирует гораздо лучше, т.е. инициативней - особенно что касается адресной рассылки и упорядочивания нервных импульсов.

Истинная свобода воли всегда была и будет трансцендентной для человеческого разума, ведь ею, напомним, может обладать лишь самодостаточная реликтовая праэнергия (прана), да и еще, пожалуй, некие мельчайшие элементарные частицы, лежащие в фундаменте всего нашего мироздания. Но в обыденной практике твердой волей нередко, впрочем, называют стойкое предпочтение, проявляемое при выборе сферы сознания, одних структур ЦНС над другими. Так, функциональное доминирование в таламусе ретикулярного ядра именуют обычно волей божественного откровения; а устойчивую связь центрального "я" с высшими отделами коры (прежде всего с теми, которые ответственны за формирование самосознания) - разумной волей. Как раз на последнем факторе и основаны многочисленные методики по аутогенной тренировке и йогическому совершенствованию с целью бестелесного путешествия по иным параллельным континуумам. Однако всё это, понятно, никак не может служить в качестве наглядного примера истинной воли, ведь вызвано оно осознанной инициативой со стороны коры; то есть в конечном итоге данный выбор детерминирован внешней информацией о том, что достижение нирваны возможно, да и, кроме того, является большим благом. Так что, сколь это ни покажется кое-кому странным или даже антинаучным, ординарный земной человек фактором свободной воли – увы - не обладает.

Скрытые повреждения и различные патологические процессы, развивающиеся в центральном "я", намного опасней, чем, скажем, гематомная блокировка или искусственное удаление этих клеток. Особенно это касается волевых людей, у которых при подобном обороте событий обнаруживаются явные признаки тяжелого психического заболевания, сопровождающегося к тому же и множественными соматическими нарушениями. В то же время на определенный (хотя обычно непродолжительный) период функции центрального «я» иногда, видимо, могут передаваться некоторым другим клеткам таламуса. И именно такой феномен имеет, судя по всему, место при погружении йогов в самадхи, когда ближайшее к высшему командному штабу ретикулярное ядро становится как раз ведущим в их организме.

II. Психодефиниция инстрефа.

Под инстрефом мы будем понимать не только инстинкты и рефлексy, но и, в принципе, любые наследственно запрограммированные действия индивида - с включением сюда психического статуса, характера, темперамента, склонностей к определенному виду деятельности. Более того, многие из этих инстинктоподобных проявлений можно трактовать как традиционным путем, так и с помощью энергообменной концепции «allgemein energetik», т.е. в духе Оствальда. Хотя, впрочем, нередко ведь две различных стороны инстрефа качественно дополняют друг друга, усиливая тем самым суммарный результат. Поэтому в каждом конкретном случае здесь правильной было бы, пожалуй, отталкиваться от доминантности того или иного полушария у данного человека.

Парадигма эгоизма - комплекс инстинктов, составляющих по сути органическое целое и обеспечивающих для заведомого большинства мужчин устойчивый базисный фон поведения при условии, что основные жизненно важные потребности удовлетворены. Номинально к общепризнанным эго-инстинктам относятся эпилептоидный /*стремление к власти*/, шизоидный /*стремление к независимости*/, гобсековский /*стремление к накопительству*/, частично истероидный /*стремление к славе*/, а также несколько внешне схожих филогенетических артефактов, обнаруживаемых не у всех: например, алармистский /*тревожно-мнительный*/ или садистский /*стремление к получению сладострастного возбуждения от вида крови*/. При этом парадигма вовсе не является какой-то бессистемной искусственной комбинацией дискретных отделенных друг от друга инстинктов, которые как раз, наоборот, цепко и вполне логично взаимоувязаны тут в едином могучем порыве.

Игра /*состязание*/ - деятельность, в первую очередь направленная на быстрое хотя бы кратковременное удовлетворение наиболее влиятельных парадигмальных инстинктов. С этой точки зрения такой, скажем, модный нынче житейский термин, как "любовная игра", представляется нам попросту некорректным. А вот «игру с огнём» /*риск*/ можно как раз считать феноменом, весьма, в общем-то, показательным, так как здесь затушёвывание сильнейшего рефлекса самосохранения в угоду игровым принципам происходит совершенно уже осознанно - под прямым давлением неестественных для человеческого организма установок.

Истероидность - одна из немногих черт характера, которая практически в равной мере свойственна и мужчинам, и женщинам. Правда, ввиду своей сингулярности, у женщин обычно сильнее бросается в глаза; у мужчин же нередко нивелируется более важными инстинктами или рассудком. Истероидный инстинкт, надо полагать, был достаточно развит у почти всех хорошо известных по книжкам

античных героев, а особенно - у древних римлян. В наши дни довольно-таки истероидными по сравнению с другими европейскими нациями являются, пожалуй, итальянцы и французы, в меньшей степени - немцы. Обратным же примером, то есть образцом нации со слабо выраженной истероидностью могут служить венгры.

Маскулинность - комплекс психо-соматических качеств, обуславливающих такой стереотип внешнего облика и поведения у мужчин, который больше всего нравится женщинам. К тому же эта симпатия в данном случае отнюдь не субъективна, а вызвана эволюционной необходимостью, так что маскулинность тоже является своего рода гендерной парадигмой.

Сюда можно причислить сниженный инстинкт самосохранения (т.е. готовность к самопожертвованию ради избранницы), высокий рост, значительную физическую силу, "адекватность" /непересечение рамок общепринятых норм/, престижный социальный статус, а также одну черту, во многом зависящую от априорной установки самих женщин: чуткость - для лиц, любящих ласку, и умеренную эпилептоидность - для индифферентных к ней.

Феминность - аналогично предыдущему, комплекс, характеризующий стереотип внешнего облика и поведения женщин, традиционно более всего предпочитаемый мужчинами. Сюда относится чистоплотность, физическая слабость /гипотонус мышц наряду с умеренно выраженными жировыми отложениями/, кокетство или стеснительность /на выбор², доброта, искренность, ну и, разумеется, - супружеская верность.

Либи́до - инстинктивная тяга мужчины к женщине или, что бывает значительно реже, мужчины к мужчине. В современных гомосексуальных контактах ведущую роль играет нижний партнёр, демонстрирующий обычно уже с рождения преимущественно феминные черты характера. Верхний партнёр при этом отличается, пожалуй, недоразвитием либи́до, а зачастую также и нестойким моралитетом. Данное положение вещей в корне отличается от того, которое наблюдалось в Древней Греции, где именно верхний партнёр весьма кропотливо и осознанно подыскивал себе любовника - как правило, красивого мальчика, вовсе не обязательно считавшегося потенциальным гомосексуалистом. В женской же любви, являющейся де-факто простой забавой, а не каким-то особым возвышенным чувством, и тогда и теперь в качестве активной стороны выступает верхняя партнёрша, обнаруживающая, в принципе, уже с детских лет ярко выраженные маскулинные, а нередко и делинквентные склонности.

Вожацкий инстинкт - с точки зрения индивида парадоксальное влечение, так как обуславливает жертвование своими интересами в угоду интересам общества. Этот инстинкт в полном своём объёме присущ очень немногим и с эволюционных позиций

имеет поистине непереоцененное значение, ибо прогрессивное развитие систем разного порядка сложности без него было бы практически невозможно. У людей, правда, вожаками иногда могут быть лица на вид как будто бы случайные - просто-напросто со сниженным шизоидным и повышенным истероидным инстинктами; у животных же - исключительно особи, обладающие достаточной физической силой и даже определенными телепатическими способностями (причём в первую очередь как индукторы). То есть, резюмируя, можно сказать, что вожацкий инстинкт, по сути, мало чего общего имеет с эпилептоидным стремлением к власти; вот почему в истории человеческой цивилизации подлинных народных лидеров (Перикл, Юлий Цезарь, Жанна д'Арк, Сергей М. Киров, Эрнесто Че Гевара, Уго Чавес, Ким Ир Сен, Амангельды Тулеев), если уж разобраться, совсем нетрудно отличить от пресловутых кровавых тиранов-самодуров наподобие Бенито Муссолини, Франсуа Дювалье, Альфредо Стресснера, Иди Амина и т.п.

Азарт /экстремальная акцентуация страстей/ - застойное явление, принимающее подчас патогенно-навязчивый характер и обусловленное невозможностью удовлетворения одного из инстинктов эгоистической парадигмы ввиду неких объективных причин, кажущихся данному индивиду легко преодолимыми.

Доброта /альтруизм/ - так называемая любовь к ближнему. Альтруизм является качественно специфическим состоянием, которое принципиально не сводимо к простому отсутствию эгоизма. Характерный пример: правополушарные мужчины Востока (индусы, тайцы, сингалы) по своей натуре несравненно добрее левополушарных европейских женщин, лишённых тем не менее эгоизма; однако отсутствие этого последнего фактора, как мы знаем, означает всего лишь обыденную женскую инертность, а не альтруизм на инстинктивном уровне.

Но у ярких публичных персон нередко, кстати, вырабатывается и установочный альтруизм: нравственный - чаще у женщин; и творческий - у мужчин³. Причем последний из них распространен главным образом в кругах интеллигенции (в основном из числа гуманитариев и деятелей искусства) и восходит, по идее, к категорическому императиву Канта. Что же касается религиозного альтруизма, то он как бы совмещает в себе эти два типа, но в несколько модифицированном виде.

Телесно-гедоническое чувство - стремление к ласкательным манипуляциям с собственным телом или к получению оргазма. В одинаковой степени выражено как у мужчин, так и у женщин; но у последних, правда, явственней бросается в глаза из-за недоразвития альтернативных инстинктов, а иногда и банального привыкания, принимающего порою застойный характер.

Рефлекс самосохранения - для большинства современных европейцев и белых американцев самый сильный из всех основных инстинктов. Только у басков, аланов, чеченцев, грузин и некоторых других воинственных народностей Кавказа он уступает ведущее место половому или эпилептоидному. Ни один эмоциональный фактор не отражается так пагубно на состоянии здоровья человека, как хроническая неудовлетворённость рефлекса самосохранения.

Слабость духа, стеснительность, меланхоличность - стойкие дефицитарные, причем преимущественно врожденные статусы, непосредственно определяющие незавидное положение их обладателей в разного рода природных иерархических популяциях. Все они напрямую коррелируют с заметным усилением рефлекса самосохранения; однако сказать, что именно в данной связке первично, а что вторично - весьма, увы, затруднительно. И хотя в человеческом обществе люди подобного склада претерпевают гораздо меньше неудобств, чем аналогичные им особи из животного мира, но всё ж таки никогда, впрочем, не отличаются крепким здоровьем⁴.

Здесь не мешало бы уточнить, что под инстинктами, собственно, подразумевают внутреннюю, т.е. не совсем обычно контролируруемую тягу к осуществлению того или иного действия. Для всех их, независимо от силы проявления и степени биологической важности, характерны как продуктивная, так и негативная симптоматика. Когда инстинкт не удовлетворён, человек испытывает гнетущее чувство напряжённости и злобы; достижение же поставленной цели, напротив, приводит его в состояние полного блаженства, ну или, по крайней мере, сиюминутного душевного покоя. Так что говорить в этой связи, допустим, о самосохранении как об инстинкте будет, пожалуй, не очень-то корректно, ибо здесь налицо - только лишь негативная симптоматика, да и сам фактор неодолимости как таковой отсутствует. Вот почему куда более уместным является в данном случае термин "рефлекс самосохранения", ведь понятие рефлекса – в принципе, гораздо шире и универсальней.

Материнский инстинкт – несомненно, важнейший из женских инстинктов, затмевающий собой для данного пола даже рефлекс самосохранения; хотя по существу именно из него и проистекает - как забота о самой ценной и значимой части своего тела. Материнский инстинкт у самок животных развит сильнее и имеет более безусловный характер по сравнению с людьми. Наличие подобного фактора у мужчин весьма спорно и проблематично. Скорее всего, их вполне естественная эмоциональная привязанность к собственному потомству - несколько иного генезиса.

Жалость /соболезнование, сопереживание/ - присуща почти всем правополушарным людям, применительно к которым проявляется в безусловно-

инстинктивной форме. Однако жалость можно иногда вызвать и у левополушарных: в одних случаях это будет манифестацией материнского инстинкта, в других - эстетического чувства индивида, в третьих - как результат некоего подспудного Эго-копирования (смысленным переносом наблюдаемых со стороны стенаний на самого себя).

Пищевой инстинкт – входит в категорию фундаментальных; но всё же умеренный апокартерезис не сопровождается обычно такими пагубными для организма последствиями, как длительное половое воздержание или угроза собственной жизни (либо, допустим, здоровью своего ребёнка).

Любовь - страстная застойная увлечённость лишь одной какой-то избранницей с игнорированием иных альтернативных вариантов. Истинная любовь всегда безответна, ведь почти сразу же, как только партнерша начинает отвечать взаимностью, любовь постепенно трансформируется в дружбу.

Стремление к новому /бунтарский дух, непоседливость, пассионарность/ - хотя и не совсем чётко дифференцируемый от других похожих инстинктов, но тем не менее один из важнейших факторов эволюционного общественного прогресса. Исключительно сильно выражен у немцев, англичан и французов, а в далеком прошлом – у древних маньчжуров и викингов. Данный инстинкт было бы, пожалуй, не вполне правомерно рассматривать просто лишь как совокупное явление, возникшее не стыке гиперактивности и любопытства, так как в нём присутствует и нечто специфически отличное от элементарной суммы указанных начал. Стремление к новому свойственно только мужчинам. Женщины в силу своей конформности всяческих новшеств и неожиданностей стараются обычно избегать. Отсутствие бунтарского духа в масштабах нации именуется консерватизмом. Из современных народов весьма консервативны по своему характеру пуштуны, уйгуры, тибетцы и некоторые другие их азиатские соседи, ведущие чаще всего близкий к многовековым патриархально-племенным традициям размеренный образ жизни.

III. Восприятие и память.

Человеческая память функционирует на пяти структурно-физиологических (а конкретней 4-х вещественных + 1-м тонколептонном) уровнях. Первичная напрямую связана с сенсорным запечатлеванием и локализуется в таламусе. Это по сути дела монадная память. Эмоционально окрашенные информационные ощущения несколько секунд спустя можно ещё восстановить в сознании за счёт реверберации нервных импульсов по таламусу (а иногда и вышележащим мозговым слоям, отвечающим, например, за восприятие речи, жестов, иероглифов и других сложных символов). К слову, лимбические структуры (включая сюда и гиппокамп) способны принимать не только целевые приказы из таламуса, но и улавливать

эмоциональный фон любых адекватно закодированных сообщений, поступающих к ним из коры. Гиппокамп ответственен, кроме того, и за функционирование у человека оперативной памяти.

Как известно, в ходе исторической эволюции природных систем довольно-таки отчётливо прослеживается преемственность в реальных действенных алгоритмах формирования ощущений и эмоций, характерных для данного конкретного этапа. Но всё же наиболее хорошо это заметно на примере памяти, ведь краткосрочная память каждой последующей системы базируется на мнемосубстрате предыдущей. Кстати говоря, сиюминутно-реверберативная память также, надо полагать, присутствует на любой иерархической ступеньке. Однако она в основном зависит от особенностей запечатлевания и скорости проведения сигналов, а не от базовых био-структур, ибо разноуровневые монады по-разному воспринимают ход времени, а значит – и саму по себе хронологию событий.

Как уже об этом сообщалось в прежних авторских публикациях, специфическая фундаментальная память хордовых зиждется главным образом на астроцитах. Ну и кроме того, в случае острой потребности она, по идее, вполне может апеллировать и к долгосрочным мнemo-хранилищам низшего порядка, представленным внутриядерными (но иногда, правда, и внеклеточными) белками. Хотя вообще-то тут вовсе не исключено, что настоящие искусные маги, гиперкалькулисты и полиглоты умеют обращаться за нужными им сведениями и к аминок группам, а также к стабильным элементарным частицам (как бы погружаясь при этом в поистине бездонные кладези информации низлежащих систем).

Но, так или иначе, почти у всех млекопитающих и в том числе, естественно, у *Hominis sapiens* долговременная память (приуроченная – напомним - к серому веществу коры обоих полушарий) формируется из оперативной именно в минуты сенсорного затишья, т.е. в основном днём. Ночью же какими-то периодическими урывками (ибо большинство времени мозг попросту отдыхает) доделывается лишь то, что не успелось в течение светлой поры суток.

Хотя астроциты (обладающие, как известно, гораздо меньшим эволюционным «стажем») хранят свою базу данных в аналоговом виде, а пептиды – в цифровом, обе эти функции носят всё ж таки строго избирательный характер. Причём в ходе отбора релевантного для ЦНС материала уже имеющиеся до этого в нейронах белки-понятия заведомо играют ведущую роль, а подкорковые структуры, ответственные за оперативную память, - лишь второстепенную. Феномен же тотальной запоминаемости присущ разве что, пожалуй, первичному «я» (да и то востребовать такого рода информацию далеко не каждому по силам). Но вообще-то подробнее об этом (на примере, кстати, легендарного советского уникама

С.В.Шерешевского) речь шла в предыдущей нашей работе, так что при желании там можно ознакомиться с эксклюзивной авторской трактовкой данной проблемы.

Здесь же пока не мешало б еще, по идее, добавить хотя бы пару слов об ощущениях и эмоциях. В частности, если первые из них возникают сразу же в качестве мгновенной реакции на объект, то эмоции - лишь после сверки с наследственной памятью⁵, чуть-чуть при этом как бы запаздывая. Хотя, как правило, любая эмоция проявляется у нас per default в виде результирующего оценочного фактора всех сиюминутных внешних сигналов. Более того, нередко она затеняет собой настроение и даже вполне может иногда «пересилить» его.

IV. Окидывая вышесказанное всеохватывающим опытным взором философа-космиста.

Затронутые тут глубинные психологические проблемы, кроме своей естественнонаучной важности, способны представлять значительный интерес и для профессионального философского сообщества, поскольку с абсолютно иных уже позиций раскрывают природу и суть превалирующей ныне антропоморфной картины бытия.

В частности, издавна хорошо знакомые нам понятийные противопоставления типа «живой - косный» или «одушевленный - неодушевленный» вскоре, как это ни странно, могут на поверку оказаться устаревшими и даже бессмысленными. Ибо на самом деле живость проявляется за счёт благоприятного сочетания высокой структуризации и психики. Причем по своим метафизическим параметрам они отнюдь не эквивалентны между собой: если в первом случае следует подразумевать длительный и кропотливый процесс постепенного усложнения материи при помощи информонов, то вот как раз уже внутренняя субъектная одухотворенность (психика) это совершенно ординарный для Вселенной феномен, возымевший свое законное место еще в незапамятную доатомную эпоху.

Но, впрочем, из постулатов квантовой механики всем нам известно, что одних лишь только этих факторов в реальности, увы, может быть не вполне достаточно. Так что без надлежащей энергетической поддержки (пусть даже единоразовой) тут вряд ли обойтись. И в частности, такой именно целевой синтезирующий импульс необходим прежде всего для замыкания монад низшего порядка в более крупную систему (т.е. если, например, говорить о человеческом плоде – для перехода от фрагментарного восприятия множества полуавтономных нервных клеток – к возникновению личностного «Я»). Причем хотя pro formae causa структуризацию можно было бы, по-видимому, объединить с животворной биоэнергетикой под общую концептуальную шапку «прогрессивный системообразующий метаболизм», однако на

деле подобная словесно-понятийная экономия всё равно не способна сыграть сколь-нибудь значимой роли для лучшего понимания происходящих в природе сложных иерархических процессов.

Возвращаясь же к традиционным нашим противопоставлениям «живой - косный» и «одушевленный - неодушевленный», заодно следовало бы, пожалуй, отметить, что они имеют скорее бытовую, чем строго научную подоплеку. Особенно это касается первого из них: ведь «мертвый» (гниющий и распадающийся) - это всё же таки, согласитесь, отнюдь не косный, а с энтропийной точки зрения, как тут не крути, нечто гораздо хуже...

В свою очередь, натуральные горные кристаллы находятся где-то примерно посередине между двумя вышеназванными крайностями. А посему безапелляционно судить, одушевлены они или нет, вряд ли уже представляется здесь возможным (да и, тем более, с учетом облигатности дополнительного энергетического стимула). Сюда же, к этой маргинальной категории примыкают, кстати говоря, и столь широко известные пограничные феномены, как самовоскрешение покойников, рабское зомбирование, нетленность святых мощей и т.п. И если мы со 100%-й уверенностью смело можем утверждать, что все искусственно созданные на сегодня роботы не одушевлены, то вот уже о пресловутых зомби или о святых почивших праведниках такого, пожалуй, не скажешь...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном теоретическом исследовании всесторонне была рассмотрена качественно новая концепция человеческого сознания и памяти, основанная на принципах психоламаркизма, неовитализма и системно-эволюционной иерархии. В соответствии с ней, любые проявления психики возможны только за счет наших редукционных предшественников, т.е. с оглядкой на аналогичные свойства монад. В частности, внешняя энергетическая подпитка, двухполюсное либидо и даже простейший защитно-оборонительный рефлекс имеют некие свои виртуальные трафареты, куда в ходе онтогенеза встраиваются конкретные вещественные образы из окружающего нас мира.

В целом же содержание данной работы можно передать 7-ю краткими тезисами:

a) Одухотворённость (включая, разумеется, ощущения, инстинкты и эмоции) как фундаментальная космическая категория заведомо должна быть per default присуща всем земным организмам!

b) Что касается интроспективной визуализации «избранного» вида чувствительности, то она возникает уже на уровне доминантного стволового ядра (т.е. еще на подступах к самому «я-субстрату»).

с) Эмоции, требующие участия высших отделов коры, по времени чуть-чуть отстают от своих «штатных» ощущений, что обусловлено необходимостью преодоления нервным импульсом дополнительного отрезка таламус-кора-лимб. Но в целом любую эмоцию можно было бы, наверное, идентифицировать с некой специфической волновой ипостасью активно воспринимающего мир субъекта. И если у атома это всего лишь обычное квантовое возбуждение внутреннего лептонного поля (материальными носителями которого служат электроны, короткоживущие мюоны и легчайшие поистине неуловимые нейтрино), то уже у человека в подобных переживаниях, как правило, задействован ментал.

д) Человеческая память функционирует на нескольких уровнях, причём первичная (надежно зафиксированная в нуклеопротеиновых хитросплетениях ведущего зрительного бугра) напрямую связана с импринтингом и сиюминутным образным восприятием.

е) В процессе формирования долговременной памяти главенствующая роль отводится автором именно гистоновым белкам и астроцитам, а не сетевой цитоархитектонике больших полушарий (как ошибочно полагают сейчас многие западные нейробиологи).

ф) Астроциты способны выступать здесь лишь в качестве пассивных хранителей памяти, да и к тому же несут в себе, судя по всему, аналоговый, а не цифровой код (т.е. это нечто вроде музейных экспонатов для историка или, скажем, карманной шпаргалки для студента).

г) В отличие от долговременной, мгновенная память, будучи непосредственно ассоциированной с восприятием, «впитывает» абсолютно всю сенсорную информацию, достигающую таламуса (которая притом резервируется навеки — независимо от любых черепных травм и болезней). Но, правда, в повседневной жизни её крайне сложно востребовать, поскольку для этого необходимо проникнуть в интегративное поле первичного «я».

Ну и наконец, что касается так называемой свободной воли, то она отнюдь не есть предметом психологического осмысления, ибо, как уже тут говорилось, олицетворяет собой один из атрибутов самодостаточной автономной энергии. А следовательно, подавляющее большинство людей, не обладая а *pativitate* ею, по существу уподобляются в своих запрограммированных житейских поступках банальным биороботам.

¹ Но, впрочем, тут пока имеется в виду: применительно к простым смертным индивидам.

² То есть мужчины эпилептоидного плана в силу своих врожденных качеств больше предпочитают застенчивых румянощёких девушек (именуемых зачастую в обиходе паиньками или тихонями), а истероидного - наоборот, кокетливо-игривых.

³ Хотя вместе с тем этический может быть также присущ и жителям стран, находящихся на значительном удалении от пресловутых «центров мировой цивилизации».

⁴ А еще тут, пожалуй, стоило б заодно добавить, что боязнь крови, беспричинно-ситуативные страхи, да и некоторые другие факторы, способствующие возникновению стрессов, тоже, как правило, относят к патологическим проявлениям этого инстинкта.

⁵ Кстати, если обратиться к самой природе наследственной памяти, то за неё должен, по идее, отвечать тонкоматериальный ментал, передаваемый в поколениях от предка к потомку через генеративные клетки.

Э.Э.Аишурский (г. Киев, Украина)